

Его прекрасная леди

Дмитрий Бертман сходил на сторону

В Московском театре «Et Cetera» (художественный руководитель Александр Калягин) прошла премьера мюзикла «Моя fair леди». За день до премьеры новая работа была показана друзьям и представителям прессы. Так обычно делают в родном для режиссера-постановщика театре «Геликон-опера». Таким образом, Дмитрий Бертман пришел в чужой монастырь со своим уставом.

Моя прекрасная леди оказалась русской

Юлия РАХАЕВА

— 2001-13 нояб. — с. 9

«Моя прекрасная леди» не просто мюзикл, а Мюзикл Мюзиклович. Даже тот, кто никогда не слышал имен Шоу и Лоу (Бернард Шоу написал литературную первооснову мюзикла — пьесу «Пигмалион», Фредерик Лоу — соответственно музыку к мюзиклу по этой пьесе), наверняка знает оттуда пару-тройку самых хитовых мелодий. Так что выбор Дмитрием Бертманом именно My Fair Lady для постановки вне стен родного театра был беспроектным. (Вообще-то он ставит вне его стен много и успешно, причем как в ближнем, так и в дальнем зарубежье, но только не в Москве.) Александр Калягин, предлагая ему поставить в «Et Cetera», вел речь прежде всего о знаменитой «Жирофле-Жирофля», но Бертман, изучив все, что можно изучить, и не поняв, как можно заставить жить то, что давно мертво, предложил свой вариант.

Тут тоже было все не просто. «Моя прекрасная леди» действительно имеет огромную сценическую и экранную историю, но дело в том, считает постановщик, что в переводе, во всяком случае на русский, теряется самая соль пьесы Бернарда Шоу. Конфликт ментальностей превращается в нечто, что можно запросто исправить с помощью обыкновенного логопеда, в которого, в свою очередь, при переводе превращается профессор Хиггинс. (Единственная на моей памяти удача на отечественной почве — балетный «Пигмалион» с Максимовой и Васильевым: именно потому и удача, что языком в том давнем уже случае был танец). И тогда появилась Ксения Драгунская, которая в своем либретто вернулась как раз к конфликту ментальностей. Причем к такому, которому ничего не делается, переводит хоть туда, хоть обратно. Дело происходит в наши дни в Москве. Ментальность английская сталкивается с ментальностью российской. Английская академическая (профессор и его соответствующее окружение) — с российской низовой.

Цветочница Элиза Дулитл, замарашка с английского дна начала XX века, стала цветочницей Лизой Дулиной, впитавшей как губка всю скверну конца того же XX — начала XXI века. В том числе скверну языковую. Случайно услышав, как Лиза изъясняется с подружкой Анжелой, профессор-славист из Англии Генри Хиггинс теряет голову. Он просто обязан привезти ее в Лондон и показать своим студентам! Но Лиза при всем при том девушка порядочная. Она должна показать своего «свертителя» родным. И вот профессор Хиггинс в квартире близ

станции «Серп и молот». То ли это еще Москва, то ли уже. Во всяком случае, Лизина бабушка, вылитая баба Шура из фильма «Любовь и голуби», сразу смекает: не иначе этому иностранцу нужна московская прописка! Папаша Дулин, вылитый Суходрищев из другого фильма — «Ширли-мырли», как это и положено в России, под сапогом затевает разговор о международном положении, точнее, об американском империализме, еще точнее — о кознях лично Кондолизы Райс. Неожиданно в лице профессора «пикейный жилет» серп-и-молотовского разлива обретает единомышленника — Генри Хиггинс оказывается антиамериканистом. Зал при этом веселится на полную катушку — до такой степени, что кто-то уже не смеется, а хрюкает.

Дальше действие вместе с двумя главными героями переносится в Англию. Такой веселухи уже, конечно, больше не будет. Спектакль то более динамично, то менее будет развиваться и двигаться, как ему и положено, к хеппи-энду. Не просто спектакль, а, напомним, мюзикл. А значит, в нем танцуют (увы, пока это получается не очень здорово) и поют. Причем иногда даже настоящим голосом. Драматические артисты. Год работы с педагогом-консультантом по вокалу Галиной Пичуриной, что называется, даром не прошел. Как и год занятий английским с Асией Баранчук. Исполнительница роли Лизы Наталья Блажих изрядно освоила и то и другое. Кроме того, она прилично двигается. Виктор Вержбицкому (Генри Хиггинс) и вокал, и английский, и сценическое движение дались несколько хуже, но он настоящий премьер своего театра и играет, как в одной песне поется, «на честном слове и на одном крыле» своего актерского таланта и мужского обаяния.

На пресс-конференции после прогона Дмитрий Бертман умолял написать о том, что спектакль сделан на смешные деньги. Пишу. А раз денег нет, то и мюзикла как жанра в России не будет. Две-три постановки погоды не делают. Мюзикл — шоу дорогое, должно всего не просто хватать, но и иметься в избытке. А при трех (!) рабочих сцене это уже не мюзикл, а закат солнца вручную. Кстати, о конфликте ментальностей. Один из корреспондентов на основании увиденного обвинил Бертмана в русофобии. Дескать, англичане у него и то и се, а наши — ни то ни се. Так ведь песня «Дубинушка» когда еще написана! А в ней: «Англичанин-мудрец, чтоб работе помочь, изобрел за машиной машину. А наш русский мужик, коль работать невмочь, так затаит родную «Дубину». Песня, между прочим, народная.